

## О свободе и независимости прессы

Марк РАЦ, профессор, заместитель директора Института стратегических оценок

"Свободная печать – страж свободы; печать связанная – ее бич"

### М. Робеспьер

Естественно, что после семидесятилетнего господства большевиков, в 1918 г. "временно" отменивших свободу печати, а потом так и забывших ее восстановить, мы относимся к означенной теме болезненно. Поэтому, в частности, мы склонны говорить о свободе и независимости прессы "вообще", часто забывая сделать необходимые различия, без которых такие разговоры малопродуктивны. Я сосредоточу внимание именно на подобных различиях (избегая по понятным причинам обсуждения категорий "свобода" и "независимость" как таковых).

Во-первых, было бы интересно понять, чем свобода отличается (если отличается) от независимости; во-вторых, похоже, что следует различать свободу и независимость прессы в целом и каждого органа печати (а тогда уж и каждого журналиста) в отдельности; в-третьих, полезно иметь в виду отличие свободы и независимости прессы от государства и вообще – от чего угодно.

Разобравшись по мере сил с тем, как мыслить свободу и независимость прессы, естественно задаться вопросом о том, как можно ее обеспечить. Соответственно, вторая часть моего выступления связана с методами и средствами обеспечения свободы и независимости прессы. По этому поводу я напомнил бы о двух известных истинах: во-первых, свободу не дают, а берут; во-вторых, прессу (как и народ, по словам Герцена) нельзя освободить внешне больше, чем она свободна внутренне. Поэтому для меня ключевым вопросом здесь будет вопрос о внутренней свободе журналистов и о профессиональном сообществе как об условии свободы журналистов, а опосредованно и прессы.

Еще два предварительных замечания. Во-первых, пытаясь разобраться в названных непростых вопросах, я претендую не на истину, а на движение к ней посредством дискуссии. Во-вторых, лично меня интересует не только и не столько феноменальная данность (не)зависимости и (не)свободы прессы, сколько связанные с этим формы мыслимости, те "очки", сквозь которые мы только и можем увидеть – так или иначе – происходящее "за окном", в том числе и в нашей прессе, и в нас самих, если попытаться взглянуть на все это "со стороны".

Что касается первого из упомянутых различий, то свобода и независимость прессы одинаково мыслимы как свобода и независимость "от": от чего угодно, будь то произвол российских чиновников, действующее законодательство или этические нормы. Сразу становится ясным, что, во-первых, различие свободы и независимости, видимо, надо искать в другом месте, а во-вторых, полная или абсолютная свобода и независимость, "вольность" для прессы так же немислимы, как и для любых других субъектов общественных отношений. Ко всем ним равным образом относятся слова классика: нельзя жить в обществе и быть свободным от общества.

Здесь полезно различать, как минимум, три типа регулятивов (и соответственно "зависимостей"):

- 1) вменяемые извне ограничения типа действующего законодательства;
- 2) более или менее осознанно принимаемые ограничения, например, культурные нормы (я постараюсь далее показать, что наиболее опасными являются "менее осознанные" или вообще нерелефлируемые ограничения такого типа);
- 3) собственные принципы, добровольно полагаемые в свою деятельность действующим субъектом – будь то журналист, коллектив редакции или профессиональное сообщество (в последнем случае принципы приобретают уже статус норм профессиональной культуры).

Переходя к свободе, понимаемой позитивно, к свободе "для", мы сразу обнаруживаем, что говорить здесь о независимости как синониме свободы становится невозможно. Напротив: обретение или потеря различных возможностей (пусть и в означенных выше рамках) ставится в прямую зависимость от самоопределения субъекта действий. Принципы, ограничивающие нашу свободу "от", дополняются здесь позитивными ценностями, ориентирами, интересами, формирующими нашу позицию, в которой только и может реализоваться свобода "для" (реализации этих ценностей, интересов и т.д.).

Иными словами, если относительная свобода и независимость могут мыслиться как синонимы на этапе самоопределения, выбора позиции, то при переходе к действиям в избранной позиции меняется само пространство наших возможностей. С одной стороны, их спектр сокращается за счет определенности выбранной позиции, с другой – увеличивается за счет связанных именно с этой позицией возможностей, характерных именно для нее методов и средств, которыми мы не располагали бы при ином самоопределении. Свобода достигается в значительной мере за счет зависимости, и я полагаю, что это абстрактное и даже парадоксальное утверждение должно быть очень понятно журналистам, чья свобода писать и печататься напрямую зависит от финансирования их изданий. Жалобы на скупку газет и журналов "денежными мешками", на потерю независимости прессы, на утрату главного достижения перестройки – свободы печати – представляются мне в свете сказанного чистым недоразумением. Не хотите – не продавайтесь "денежным мешкам", но зависимость прессы, если не от них, то от государства или от вкусов читателей все равно останется. Что дает при этом большую свободу для выражения собственной позиции зависит от этой самой позиции. Я затрудняюсь сказать, кто "вообще" свободнее: журналисты "Независимой газеты", финансируемой, как известно, Березовским, или журналисты "СПИД-Инфо", которая, наверное, прибыльна. На мой вкус, свободнее "НГ", но это лишь моя точка зрения.

Здесь мы переходим к двум другим различиям. Имея в виду второе (свободу и независимость прессы вообще и каждого издания в отдельности), я могу сразу зафиксировать, что свободных и независимых изданий не бывает. Каждое от кого-то (или от чего-то) зависит, и его свобода ограничена не только перечисленными уже мною регулятивами, но и рамками интересов обобщенного "владельца" (в примере со "СПИД-Инфо" – вкусами и интересами специфической читательской аудитории). В связи с этим я подчеркнул бы два обстоятельства.

Во-первых, пока потенциальных "владельцев" много и пока они разные, а их интересы часто противоположны – все относительно нормально. Множество изданий, выражающих интересы представителей разных позиций, в совокупности и создают независимую свободную прессу. Плохо дело, когда "владельцев" мало, особенно когда он один (а это не редкость в провинции). Но это уже проблема не только прессы, но и общества в целом – проблема недопущения монополизма. Во-вторых, нужна, конечно, культура взаимодействия владельца с редакцией своего издания. Такая культура вырабатывается исторически и находит выражение, в частности, в формировании всякого рода общественных советов, в соответствующих культурных и даже законодательных нормах. Вот этого у нас пока нет, но это дело наживное и зависящее во многом от способностей журналистов к профессиональному самоопределению и самоорганизации (к этой теме я еще вернусь).

Все это имеет, конечно, самое прямое отношение к мировоззрению. Большинство российских журналистов (как и бывших советских людей вообще) живут мифами об "объективной информации" и "объективной истине", не отдавая себе отчета в том, что ничего подобного просто не существует. То есть пресловутая объективность существует только в форме множества взаимно противоречивых высказываний и оценок, а самая независимая газета, самый свободный журнал в принципе не могут сделать ничего большего, чем внести свой вклад в эту разногласицу мнений. Я обратил бы особое внимание на то, что таким образом создаются условия для свободы и независимости реципиента, что в конечном счете и является, по идее, задачей свободной прессы.

Наконец, специального обсуждения заслуживает, особенно в наших условиях, тема (не)зависимости прессы от государства, в котором многие из нас по-прежнему надеются увидеть некоего арбитра, носителя той самой "объективности", гаранта свободы и независимости прессы. "Оставь надежду всяк сюда входящий". Что-то подобное можно помыслить только применительно к паре, своего рода "диполю" правового государства и гражданского общества. У магнита в принципе не может быть одного полюса – обязательно два. Так и здесь: ни правовое государство, ни гражданское общество не могут существовать друг без друга; либо они оба есть, либо нет ни того, ни другого.

У нас их пока что нет, а потому независимость прессы от государства как самого мощного политического субъекта в стране кардинально важна.

У государства могут быть (и есть) свои органы печати (чем оно хуже любого "денежного мешка"?), но вот чего не должно быть, так это прямых каналов его воздействия на другие издания. В этом плане ситуация у нас неустойчивая. "Борьба с олигархами" грозит тем, что у нас и в центре может наступить ситуация, о которой я поминал пока применительно к провинции: ситуация политического, а следовательно, и информационного монополизма. Это ситуация авторитарного (в предельном случае, который мы уже проходили, даже тоталитарного) режима, где господствующая (или единственно существующая) политическая сила объявляет себя держателем истины и гарантом общего блага – конечно, в светлом будущем.

Это скверная перспектива (тем паче, что на просвещенный авторитаризм у нас рассчитывать трудно), хуже которой может быть только гражданская война и распад страны. Ей следовало бы противостоять, и прессе здесь принадлежит достаточно важная роль: недаром в сходных обстоятельствах она была названа "коллективным организатором". Мне, однако, кажется, что к исполнению указанной роли наша пресса не готова. Если она еще может худо-бедно повоевать за собственные (причем превратно понимаемые) свободу и независимость, то свобода граждан России для нее, кажется, предмет не самый важный. Это и неудивительно, ибо, судя по социологическим опросам, для самих граждан свобода – не предмет первой необходимости (из чего, кстати, следует, что гражданами мы являемся скорее юридически, чем фактически).

Подводя промежуточные итоги, я думаю, что главное, чего нам не хватает для обеспечения свободы и независимости прессы, – это еще одного "диполя": профессионального сообщества и профессиональной культуры журналистов. Переходя к этой стороне вопроса и имея в виду ее важнейший аспект – пространство самоопределения органа печати или журналиста – я вспомнил бы о работе Шампаня и различал бы прежде всего разные способы представления и употребления СМИ:

- СМИ как средства воздействия на общественное мнение в руках тех или иных политических сил;
- СМИ как объекты рыночных отношений;
- СМИ как формы соорганизации и работы журналистов–профессионалов.

В реальности мы всегда имеем ту или иную констелляцию этих "функций", определяемую как внешними (по отношению к данной газете, телеканалу и т.д.) обстоятельствами, так и позицией журналистов. Как пишет Шампань, "поскольку журналистика представляет собой особую сферу интеллектуального труда, которая не может игнорировать собственную экономическую рентабельность, то понятно, почему каждая редакция и каждый журналист конкурируют с другими и мучительно пытаются совместить экономические требования со своей собственной политической позицией и задачами информации". Если заменить "задачи информации" на "профессиональные задачи" (об этом чуть ниже), то для журналистов здесь возникает пространство самоопределения, которое разворачивается далее уже в проекции на третью из названных ориентаций.

Я интерпретирую соображения Дзялошинского по этому поводу так, что он выстраивает следующий шаг уже профессионального самоопределения журналиста в пространстве, задаваемом тремя ортогональными векторами: авторитарным (пример – взгляды Ленина на роль СМИ), информационно–познавательным (господствующим на Западе) и коммуникативным, или гуманитарным (идея соучастия журналиста и реципиента в постановке и решении общественно значимых проблем). Неважно, является ли именно такая картина исчерпывающей, важна мысль, и я ограничился бы краткими комментариями по этому поводу.

1. Заданное таким (или подобным) образом пространство вроде бы и оказывается пространством профессионального самоопределения журналиста, редакции, журналистского сообщества. Очень важно, что оно отделено от пространства гражданского самоопределения ("пространства Шампаня"), для журналиста необходимого, но другого. В "пространстве Дзялошинского" сторонники различных политических взглядов могут самоопределяться сходным образом (и наоборот). В этом я вижу путь к формированию профессионального сообщества, объединяющего сторонников разных политических позиций при одном непереносимом условии: если они удерживают рамку права.

2. Авторитарную ("законодательную" в отличие от интерпретирующей, по Бауману), монологичную установку я не оценивал бы совсем уж негативно, особенно учитывая унаследованный нами от советской системы "интериоризованный тоталитаризм" (Пятигорский). Проповедь хоть и уступает место исповеди, но, думаю, сохранит свое место в культуре, иерархическое устройство которой есть ее конституирующая особенность, не зависящая от общественного устройства. Поэтому я бы связывал авторитарную установку не только и не столько с политической, но и с культурной ангажированностью, с ролью интеллектуальной и культурной элит, напоминая, что это всего лишь одно из измерений нашего пространства, кстати, тесно связанное с другим – информационно–познавательным. У этой медали есть, впрочем, и другая, не менее важная сторона, о которой мы еще поговорим.

3. Важнейшая функция информационно–познавательной установки – открывание, "опрозрачивание", визуализация (применительно к телевидению – впрямую) происходящего. Здесь я напомнил бы о вкладе СМИ в формирование открытого общества. Но в связи с этим еще надо специально разбираться с упоминавшимися объективистскими мифами, господствующими среди

наших демократически ориентированных журналистов ("После марксизма–ленинизма, но до К.Мангейма", – так характеризует это состояние сознания Поляков).

В действительности, мы не можем смотреть на мир с позиции Всевышнего и все, что в состоянии увидеть, видим со своей, субъективной точки зрения. Отсюда и отмеченная выше тесная связь первых двух установок.

4. Думается, что коммуникативно–гуманитарная (интерпретирующая, диалогичная) установка пока еще формируется, но именно с этим процессом я связываю свои надежды на будущее, касающиеся не только журналистики и не только России (хотя ее, конечно, в первую очередь). Именно здесь и вполне осязаемо (я имею в виду полосу "Полемика" в "Независимой газете", передачи Любимова, Познера на телевидении) привычная нам форма дискуссии в виде "суммы монологов" в удачных случаях начинает сменяться собственно диалогом: на фоне обмена домашними заготовками возникают новые идеи, рождающиеся в ходе коммуникации.

Возвращаясь теперь к своей исходной теме, я говорю, что свободная ориентация в такого рода пространствах, свободное самоопределение в них журналиста или редакции – как ситуативное, так и стратегическое – оказывается неотъемлемым и важнейшим элементом профессиональной культуры и необходимым условием подлинной свободы. Заметьте: необходимым, но не достаточным. Достаточными я полагаю два условия, позволяющие реализовать во–вне эту внутреннюю свободу. О первом из них я уже говорил – это наличие профессионального сообщества, мыслящегося прежде всего в функции держателя профессиональной культуры и субъекта развития своей сферы деятельности. Профессиональное сообщество – та "точка опоры", имея которую можно "перевернуть мир" своей деятельности (и существенно повлиять на иные). Но в данном контексте важнее другое: сообщество оказывается той "почвой", "землей", связь с которой только и дает его членам силы и возможности для реализации и воспроизводства своей внутренней свободы. Профессиональное сообщество, следовательно, создает для своих членов дополнительные условия свободы, которых попросту нет в случае его отсутствия.

Второе условие – наличие специальных форм организации, методов и средств реализации своих замыслов. Казалось бы, все перечисленное является составной частью профессиональной культуры, но оказывается, что такой трактовки недостаточно. Никакая профессия, никакое сообщество не существуют в безвоздушном пространстве: они сосуществуют с множеством других, будучи связанными с ними разнообразными кооперативными и коммуникативными связями. Я и говорю здесь об этих двусторонних (заметьте!) связях, о тех формах организации, методах и средствах, которые могут быть отнесены (и относятся) не только к профессиональной культуре журналистов, но и к правовой, политической или деловой культуре, к культуре общества в целом. Здесь и возникают, в частности, упоминавшиеся вопросы о построении взаимоотношений органов печати с их владельцами, тех и других с государством, о правовом регулировании этих отношений.

Это, бесспорно, важнейшие для обсуждаемой темы вопросы, но мне кажется столь же бесспорным, что обсуждать их нужно в заданном выше контексте, как минимум, с учетом обозначенных различий.

Вернусь к неисчерпаемой теме профессиональной культуры. Еще один вопрос, на котором я хотел бы остановиться, это вопрос о самоопределении гипотетического профессионального сообщества журналистов, который можно рассматривать (с другой стороны) как вопрос о миссии журналистики. Это, конечно, особая тема, но так тесно связанная с обсуждаемой, что, обходя ее стороной, мы рискуем сильно ограничить возможности своего продвижения в понимании свободы и независимости прессы. Моя точка зрения по этому поводу состоит в том, что миссия журналистики исторична и на данном этапе имеет своей важнейшей составляющей обеспечение коммуникации, диалога (в указанном ранее смысле) как между представителями разных позиций, так – по большому счету – и между представителями разных культур. В этом смысле свобода и независимость прессы – в рамках диалога и права, добавил бы я теперь – выступает как необходимое условие осуществления так трактуемой миссии журналистики, то есть оказывается не самоцелью, а условием и средством обеспечения упоминавшейся свободы читателя, слушателя, зрителя.

Напротив, несвободная, "связанная" пресса неспособна к выполнению указанной миссии, не может обеспечить свободу реципиента. Политическая ангажированность здесь еще не беда. По крайней мере, пока существует много разных ангажементов, она достаточно очевидна. Гораздо опаснее далеко не столь очевидная культурная ангажированность, которая в границах своего ареала по понятным причинам имеет тенденцию к универсальности, всеобщности. Господствующая ментальность, так называемые "стереотипы мышления" (то есть, в сущности, отсутствие мышления, которое всегда "иначе" и несовместимо со стереотипами) объединяют не только журналистов, но и

потребителей СМИ, формируя действительность общественного сознания. Свобода замещается здесь "добровольным рабством": все мы становимся рабами господствующих подходов, методов и средств представления и анализа текущих событий. Постановка этой проблемы выводит обсуждение темы о свободе и независимости прессы на методологический уровень. Условием подлинной свободы оказывается, с этой точки зрения, различие методов и средств нашего представления и анализа происходящего, с одной стороны, и результатов их применения – с другой. Но такое различие, рефлексия и критический анализ средств своей профессиональной деятельности в корне противоречат стереотипам унаследованной нами советской ментальности. В ее основе как раз и лежит натурализация средств, их "склейка" с результатами анализа, а следствиями являются пресловутая "научная картина мира" с неотъемлемой от нее идеей единственности истины и известная своей духовной нищетою концепция историцизма с ее "железными законами истории".

Мы и по сию пору убеждены, что, к примеру, "капитализм" и "социализм" – не возможные формы мыслимости, "модели" общественно–политической организации общества, а объективно существующие формы такой организации. Отсюда происходит насквозь мифологическое деление россиян на "красных" и "белых". Такова же природа другой бредовой оппозиции: "патриотов" и "демократов", которая ничуть не лучше противопоставления, скажем, русских и блондинов. Тем не менее, такие противопоставления поддерживаются прессой и приводят к реальному расколу населения России, которое – это еще один пример безосновательной натурализации средств – мы часто именуем обществом. При этом мы не задействуем более современных средств представления, как например, представления об открытом и закрытом общественном устройстве.

Обозначенная проблема требует, конечно, специального обсуждения. Завершая свою тему, я повторил бы по этому поводу, что подлинная свобода (и не только прессы) обеспечивается в конечном счете рефлексией собственных средств, то есть в наших условиях предполагает смену господствующей ментальности критическим мышлением. Применительно к сфере СМИ это ставит на повестку дня совсем другую тему: тему о содержании профессионального образования журналистов и системе повышения нашей квалификации. Чтобы последнее замечание не прошло незамеченным, я добавил бы к нему не очень новую, но пока еще не ставшую банальной истину: повышение квалификации начинается с дисквалификации.

#### **О. Мелкумова:**

– Понятно, что абсолютной независимости не бывает, но мы же не говорим о независимости вообще, мы говорим о независимости средства массовой информации как праве и обязанности давать населению объективную информацию и предлагать различные интерпретации фактов. Поэтому я не совсем понимаю, о какой в данном случае зависимости мы говорим. Мы зависим в экономическом и в политическом плане от владельцев, а о какой зависимости говорите Вы?

#### **М. Рац:**

– Позвольте, я прочту цитату из Поля Валери. Это и будет ответ на Ваш вопрос. "Отбор, классификация, выражение фактов, дошедших до нас, не продиктованы нам природой вещей, они должны представлять собой итоги анализа и отчетливых решений. На практике же они всегда отданы во власть навыков и традиционных способов мышления, которых случайности или произвольности мы не подозреваем.

Более того, навыки, влечения, привязанности, приобретенные в течение предшествующей истории (вот это прямо точно про нас! – М.Р.) не перестают существовать, но незаметно перенесенные в среду, отличающуюся весьма иной структурой, они теряют в ней свой смысл и становятся причиной бесплодных усилий и ошибок".

#### **Л. Михайлова:**

– У меня есть реплика. У китайцев существует такое проклятье: "Чтоб тебе жить во времена перемен". Мы живем в это самое время, и никуда нам от этого времени не деться, потому что мы из него можем выйти только в мир иной. Конечно, мы все продукты нашего воспитания, но мы можем отрезать себе часть своего "я" и сказать, что с завтрашнего дня у меня будет другой менталитет. Поэтому мы должны думать не о том, как нам быть независимыми от нашего менталитета, а о том, как обеспечить сосуществование разных менталитетов, того, что называлось когда–то плюрализмом. Сейчас это можно назвать независимостью прессы. Важно, чтобы мы могли обсуждать все и не зашторивать одно окно за другим.

#### **В. Юкчев:**

– Мне вообще представляется не вполне продуктивным поворот дискуссии на тему, абсолютны ли свобода и независимость прессы. Здесь нет достаточного предмета для обсуждения в такой же степени, как не будем же мы спорить сегодня или когда-либо еще, существует ли абсолютная истина, достижима ли она. Точно так же не бывает и не может быть абсолютной свободы, абсолютной независимости, и нечего об этом говорить. Есть всегда покушение на свободу и независимость разных властных и общественных институтов. И я предлагаю вернуться к теме нашей конференции: "Что происходит с независимостью прессы в России?". В моем понимании, с независимостью прессы, где бы это ни было и когда бы это ни было, всегда что-то происходит. Усиление транснациональных корпораций, усиление одних медиа-империй и разрушение других, структурные перестройки в обществе, различные катаклизмы. Они всегда будут отражаться в прессе и влиять на ее состояние. И поэтому, если бы мы смогли на нашей конференции оценить ситуацию и понять, что может наше сообщество сделать именно на этом переломном этапе, именно в этой конкретной стране, чтобы минимизировать покушения на независимость, была бы совершенно реальная польза. И я бы хотел просто вернуть нас к тому, чтобы начать размышлять, что мы можем делать на уровне законодательном, на уровне ассоциативных объединений, на уровне постановок вопросов перед разными социальными группами и правительствами.

#### **Р. Гольдберг:**

– Я предложил бы спокойнее относиться к покушениям на независимость прессы. Почему? Потому что независимость, на которую никто не покушается, вряд ли кому-то нужна. Иначе все напоминает старый анекдот, помните? "Это кто скачет? – Неуловимый Ян. – Что, его поймать никто не может? – Да кому он нужен?" Но если на нашу независимость покушаются, значит, она существует, значит, она чего-то стоит. Значит, мы чего-то стоим.